

К 556

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНА 15 КОП.

КРОКОДИЛ

ДЕВЯТЫЙ ГОД
НОМЕР 11
АПРЕЛЬ 1930
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

Рис. Ю. Ганфа

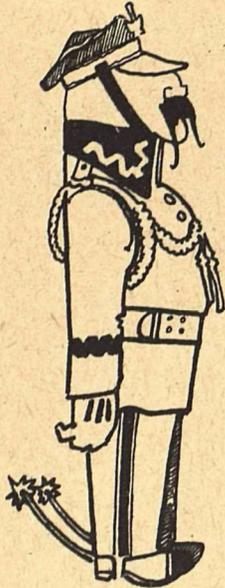

ТОЖЕ УДАРНИКИ
 (На смотре соревнования)
 — Нам нужен бой за промфинплан,
 но только не барабанный!

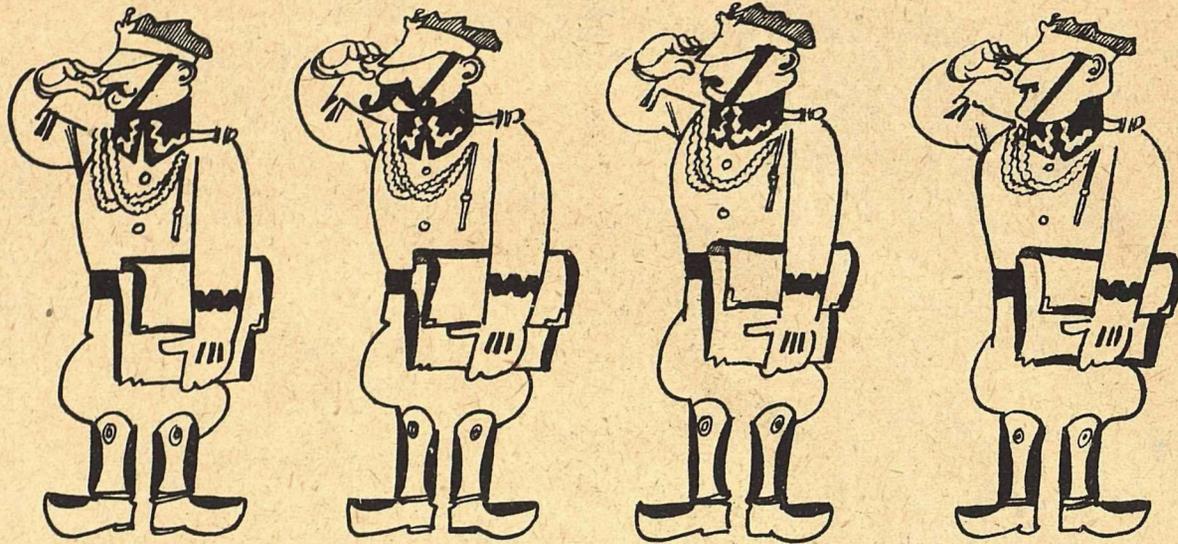
УТРЕННЯЯ ЗАРЯДКА

(Полковничий кабинет в Польше)

Рис. М. Храпковского

— По военному бюджету равняйся!!

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

(Не совсем по Чехову)

В СТОЛОВОЙ Пищепромсоюза сидели и ели за одним столиком двое: толстый и тонкий. Тонкий ел быстро и сосредоточенно, как едят голодные или очень занятые люди. Толстый обедал с чувством и не спеша. Доев щи, он благодушно вздохнул, протер запотевшие круглые очки и мельком взглянул на тонкого. Затем посмотрел на него внимательнее, слегка подался вперед и спросил:

— Извиняюсь... Вы, случайно, не товарищ ли Евграфов?..

— Случайно Евграфов, — ответил тонкий. — А вы... а ты... ну, да... Колпиков ты! Я сразу-то и не узнал!

Толстый улыбнулся и сказал:

— Где ж сразу узнать! С девятнадцатого года, ведь, не встречались. Да-да... Ну, как же ты?..

— Да ничего, — сказал тонкий. — А ты...

— Да и я ничего. Хотя, конечно, как тебе сказать?.. Нашему брату, партийцу, не очень-то сейчас легко!

— Разве только сейчас?.. Очень-то легко никогда не было, — сказал тонкий.

— Так-то оно так, а все-таки. Сейчас — в особенности. Сейчас, знаешь, сложнее... Впрочем, извини, ты-то партийный сейчас?..

— Партийный, — сказал тонкий.

Толстый еще раз протер очки и повторил:

— Сложнее, знаешь, сейчас...

Затем оглянулся, придвинулся к тонкому и заговорил тише:

— Положение, ведь, такое: не довернешься — бьют и перевернешься — бьют! Взять хотя бы вопрос о коллективизации... Скажешь что-нибудь, думаешь, что в точку попал, а через неделю — две уж опасешься: ох, пришьют тебе за это левый загиб!.. Захочешь поправиться, повернешь в другую сторону, — и сейчас же тебе: „Эй, Колпиков, это правый оппортунизм!..“ Вот попробуй тут, угадай! Попробуй тут, угоди!.. Только одно и остается: помалкивать в тряпочку! А помалкиваешь если, то опять тебе, будь покоен, недостаток активности начнут шить или увиливание... Вот, брат, какое положение-то!..

Тонкий выслушал, отодвинулся и сухо сказал:

— Не понимаю. Есть линия партии. Если ты... вы с нею не согласны, то так и скажите. Если согласны, то проводите эту линию. А угадывать тут нечего и угодать некому и незачем.

Толстый сначала обиделся. Затем неодобрительно посмотрел на потертую пальто тонкого, на его нескладную кепку и пренебрежительно усмехнулся. Затем возразил:

Слышали. Знаем. Но тебе-то хорошо рассуждать, а я, как-никак, заведующий подотделом и член бюро ячейки! Тут, брат, ответственность! Мне каждое лыко в строку поставят!

— Ну, так что же? — спросил тонкий.

— А то, что... Ну, да не стоит об этом, раз ты не понимаешь! Поговорим о другом... Как твои личные дела? Где-нибудь служишь?..

— Нет, — сказал тонкий. — Я, собственно, на партработе. Член бюро областкома... Ну, пока!

Толстый привстал, растерянно улыбнулся, запыхтел и снова принялся за еду.

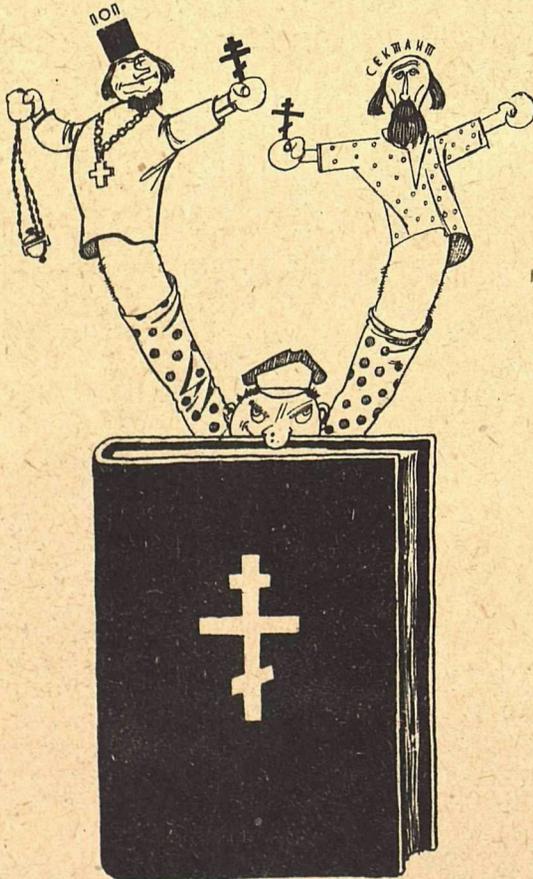
Но есть ему уже не хотелось.

„И тут не угадал, — думал он, насильно прожевывая невкусное мясо. — Опять не угодил!.. Никак не попадешь в точку, хоть ты лопни!.. Эх!..“

Никита Крышкин.

ПАСХАЛЬНАЯ СЛУЖБА

Рис. М. Х.

Хозяин и служащие.

ОБНОВЛЕННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Заставь дурака раскулачивать кулака, он расереднячит и середняка.

Гони бюрократа в дверь, он войдет... в другое учреждение.

Куда кулак с обрезом, туда и поп с крестом.

Слово — не воробей: вылетит, — занесут в стенограмму.

Бюрократов бояться — без доклада не входить.

«Левый» аукнется, правый откликнется.

С кооператива по нитке — частнику мануфактура.

Лес рубят, — исходящие летят.

Место красит человека, а проверком — чистит.

Добрая слава лежит, а худая с опровержением бежит.

Племянник

Савелия Октябрева.

Рис. М. Хратковского

НА ЗАВОДЕ арматурном
На собрании очень бурном
Выдвигали кандидатов
Для работы в наркоматах.

★
Первым был Степан Ремейко.
Соглашалась вся ячейка,
Фабзавком и все собрание
На ремейкино избранье.

★
Но поднялся вдруг оратор:
— Наш Степан — организатор,
Парень дельный и толковый.
Где найдем еще такого?

★
Выдвижение — достижение...
Я не буду здесь касаться...
Но и наше положение —
Без работников остаться?!

★
— Верно! Верно! Дело ясно!!
Ни ячейка, ни собрание
Оказались несогласны
На ремейкино избранье.

★
Был вторым — Иван Устюжин, —
Глядь, — а он завком нужен!
Без Устюжина — в два счета
Прекратится профрота.

★
Третьим был — Петров Василий, —
Комсомольцы отпросили.
Николаев был четвертым, —
Без него — беда со спортом.

★
В спорах пыльных, точно порох,
Кандидатов целый ворох
Был отвергнут очень бурно
На заводе арматурном.

★
И усталое собрание
Изъявило пожелание:
— Список весь пересоставить,
Весь актив — себе оставить
И отправить в наркомат
Молодых ребят.
Пусть — поучатся,
Пусть — помучатся.

★
Нас смущает одно:
— Хорошо ли оно
Получится?

Вас. Лебедев-Кумач.

ШУТОЧКА

В КАНЦЕЛЯРИЮ явились спозаранку. Сторож, едва приступивший к утренней приборке, был крайне изумлен таким неожиданным проявлением служебного рвения.

— С чего это они? — подумал он, недоуменно почесываясь и отставляя в сторону швабру. — То до десяти никого не увидишь, а то вдруг...

— Брось! — сказали ему, — после подметешь. Некогда ждать, дело не терпит.

А когда сторож вышел, быстро и дружно приступили к летучему совещанию.

— Главное — внушительный тон, — сказал товарищ Челидзе, почтовик со стажем, — Надо, чтобы она сразу поняла, что никакие возражения недопустимы.

— Правильно! — поддержала товарищ Кувакина. — А то, пожалуй, заартачится еще. Весь интерес пропадет.

— Конечно, — выпитив плохо накрашенные губы, согласилась товарищ Кувакина. — Нужно сразу приступить к делу. Без волокиты. Хи, хи...

— Гы, гы! — музыкально рассмеялся товарищ Челидзе. — Вот именно «без волокиты»! Так помните, товарищи, свои обязанности?

— Помним, — хором ответило собрание. — Не подкачаем!..

— Тс! — квакнула Кувакина, — идет.

Наступила деловая тишина. Виговская — комсомолка, «новенькая» практикантка телефонной сети — вошла, чуть смутясь с непривычки, и, ласково кивнув головой всем, направилась к дверям телефонной станции.

Но тут ей навстречу встал товарищ Челидзе.

— Виноват, — сказал он строго. — Вы еще не проходили медицинского осмотра?

— Нет, — сказала комсомолка. — Необходимо пройти, — заявила твердо товарищ Челидзе, — раздевайтесь.

— То-есть, как это «раздеваться»? — вспыхнула до корней волос девушка. — Здесь, в канцелярии? — Ну-да, здесь! — сурово отрезал Челидзе. — Не вы первая. Тут — женщины. Стесняться глупо. Что вы, мещаночка, что ли?

— Вот именно, — вставила Кувакина. — Нечего, милочка, краснеть. Надо выполнять правила. Чем вы лучше нас, спрашивается? Мы же не возражали?

— Ну-с, поторапливайтесь, — строго сказал Челидзе. — Ждать мне некогда. Разоблачайтесь.

Коль ударник спит бездарно, —
Враг работает ударно!

Кувакина и Тараканова подошли к растерявшейся девушке. Быстро и ловко заработали их пальцы. Комсомолка была оголена по пояс, и Челидзе «с ученым видом знатока» приступил к бесстыднейшему «осмотру». Столпившиеся сотрудники упивались до слюноотечения пикантной картиной, шепотком делясь «впечатлениями». Комсомолка, ежась от стыда и холода, покорно поддавалась «осмотру», не подозревая глумления.

И только, когда прыснув, бочком, потихоньку выскользнули из канцелярии Кувакина и Тараканова, когда Челидзе в своем «осмотре» стал возмутительно безобразничать и когда вокруг зафыркали зрители, бедная девушка поняла, что стала жертвой хулиганского заговора. Она стала вырываться из наглых рук, возмущаясь, плакать...

...Это не вымысел. Где уж! Это действительное происшествие в на-

хичеванской почтово-телеграфной конторе. О нем был составлен предпробочком Гюрджиевым «акт». Потом была составлена комиссия. Затем был доклад на конференции. Выяснилось, что участники «осмотра» комсомолки Виговской вовсе не считают себя хулиганями.

— Мы просто пошутили!.. — заявили они комиссии единогласно, даже без воздержавшихся.

Вот как «шутят», оказывается, нахичеванские связисты. Интересно, считается ли в этой милой среде невинной шуткой удар поленом по затылку, тычок шилом под девятое ребро, или, скажем, приложение сургучных печатей к физиономиям?

И, кстати, не об этих чертовски славных парнях сказано:

Хороши наши ребята, только славушка плоха.

Мих. Данилов.

СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ... ГОЛОВОТЯПОВ

в том числе и предзавкома Юго-камского завода в Перми.

Упомянутый предзавкома Ярославцев в ответ на запрос профкомитета о присылке людей на курсы культработников ответил сокращенной телеграммой:

«Культура курсов не нуждается, Завком».

«Крокодил» телеграфирует всем своим читателям тоже сокращенно:

«Культура завком Ярославцеве не нуждается.

«Крокодил».

Хорошо сокращать не только телеграммы, но и количество плохих предзавкомзв.

ТОЖЕ АГИТАЦИЯ

Так агитирует за аккредитивы управление сберкасс вкупе с Наркомпочтелем, нанежавшим этот «плод творчества» на миллионах почтовых открыток.

Мало того, что у человека деньги украли, так еще начальник станции на него с палкой накидывается...

Нехорошо это, товарищи! Некультурно и несправедливо.

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

Ни для кого не секрет, что мы сильно страдаем от проклятого наследия прошлого. Одни наследники хлещут водку другие — лодырничают, третьи — вообще паразиты и тому подобное. Борьба с наследием, конечно, идет суровая. Изумительно работает ОДН, наиболее горячие борцы кричат: «Да здравствует культпоход» и другие слова.

Однако все это не то, не то... Канитительно...

В Петропавловске коллектив счетовых работников Казгосторга на общем собрании решил нанести более сокрушительный удар наследию. Коллектив, заслушав вопрос о подгонке составления квартального отчета, постановил:

1. Отчет подогнать.
2. Сверхурочных не допускать.
3. Работать добросовестно и за кулисами не ориентировать других на рвачество.
4. Больше сознания и ответственности как перед союзом, так и перед рабочим классом страны в особенности.
5. Тов. Бельский несет ответственность за составление квартального отчета.
6. Не ронять авторитета друг друга и дорожить им.
7. Месткому следить за сохранением строжайшей дисциплины членом или не членом союза.
8. Не подхалимствовать.

И ходят теперь счетоводы Казгосторга, как святые: в белых одеждах, вокруг головы сияние. А остальные граждане города, еще не вынесшие резолюции, продолжают погрязать в грехах, рвачестве и подхалимстве.

И ведь что обидно! Резолюцию-то вынести ничего не стоит!

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕСТРЯДЬ

«ХИМИКИ» ИЗ ВОРОНЕЖА И КОЗЛОВА

ЛОЗУНГ химизации страны быстро подхватили деятели общественного питания в Воронеже и Козлове. Работу столовых сразу же перевели на химические рельсы. В столовой № 10 воронежского ЦРК любители химии добавляют в котел готовой пищи воду. Это простое химическое действие значительно увеличивает выпуск обедов без затрат дополнительных средств. Кроме того, нарпитовцы установили, что выпускаемые по их способу обеды с успехом заменяют общеизвестное медицинское лекарство. На рабочие желудки новые обеды действуют полоскательно. За счет выпуска химических обедов в городских аптеках сократилась продажа касторки. Изобретатели пока еще не получили патента. Их изобретение не рассматривалось даже в профсоюзных организациях. Среди воронежских обывателей циркулируют слухи, что союз нарпит хотят обвинить в волоките и бюрократизме за проявленную невнимательность к рабочему изобретательству.

В столовой ЦРК № 13 с помощью техников заводоуправления «Глинозем» и администрации столовой создан искусственный минеральный источник. Правда, это дело стоило больших денег, но зато достигло больших результатов. Вода в бак поступает самая обыкновенная. Претерпевая в кипятыльнике ряд химических процессов, готовые напитки — чай, кофе, какао — поступают к потребителю со значительным количеством ржавчины и древесного мусора. Открытый источник пока не состоит на учете Наркомздрава и держится в строгом секрете. Саннадзор кярпичных заводов даже не известил воронежское население, боясь большого паломничества желудочно-больных и

малокровных граждан. Тихонько от всего прочего населения новым источником пользуются только рабочие четырех кирпичных заводов.

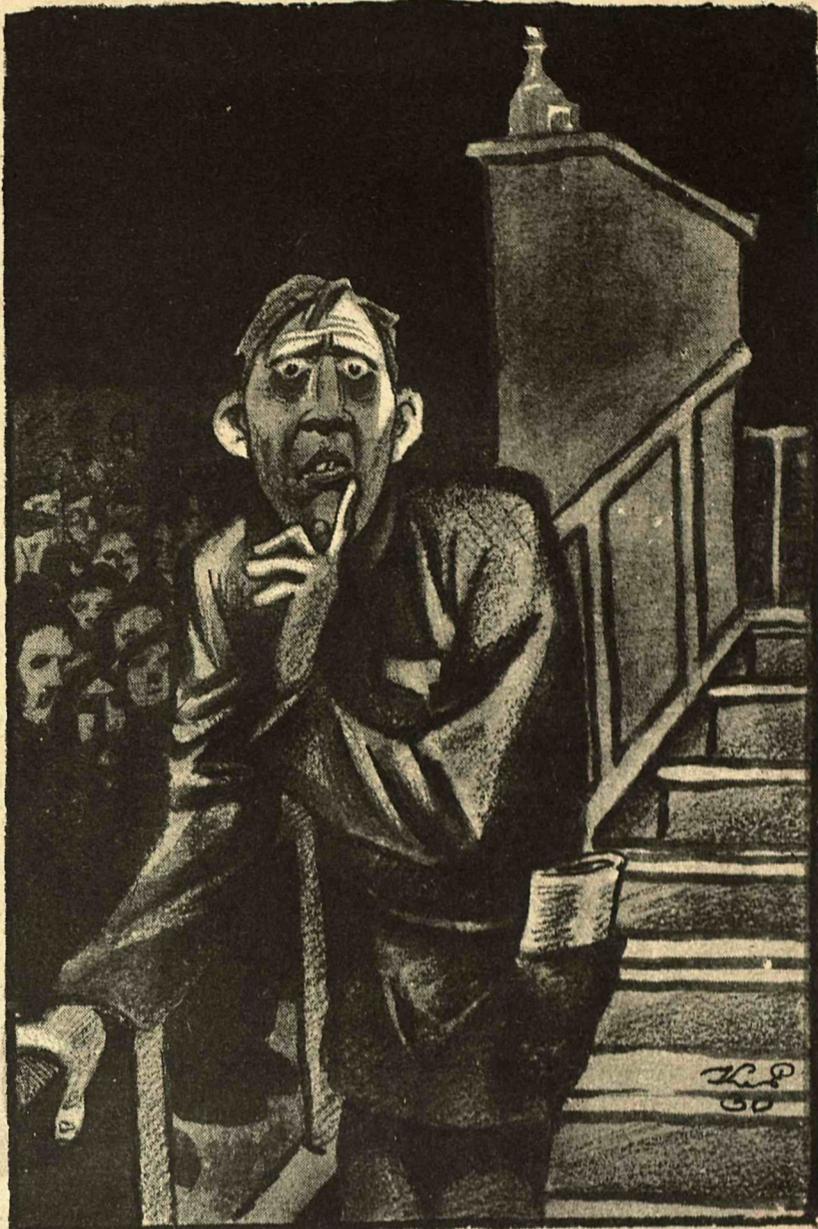
В столовой ЦРК № 1 удалось сократить расход продуктов при изготовлении битков и котлет. Часть коровьего мяса заменяется тараканами и мухами. Правда, цены на обед не снизились, но понизилась себестоимость. Этот способ с большим успехом применяют в своей практике кооперативно-промысловые артели. В той же столовой рядом проведенных приспособлений аромат уборной перемещается в обеденный зал. За счет этого постоянные посетители столовой сократили в своем бюджете расход на изделия ТЭЖЭ.

Столовой «Красный Кавказ» удалось приучить потребителя принимать пищу из грязной посуды. Здесь кавказцы даже не прибегают к химии. Просто перестали мыть посуду. Рационализация кавказцев не рассматривалась общественными организациями, потому что среди членов артели большинство — лишенцы.

В столовой «Северный полюс», в городе Козлове, изобретен дешевый способ изготовления соусов. Над плитой сушатся рубаха и штаны кухонного мужичка. Стекающая спецодежда влага служит подливкой к котлетам и всем остальным вторым блюдам обеда. Изобретатели утверждают, что больше соуса дает долго несменяемая одежда.

В буфете ТПО при станции Козлове кухонный запах убивается влагой, протекающей из уборной. Работники кухни не чувствуют реакции соединения и просят о приезде экспертов.

Николай Воронежский.

ДОКЛАДЧИК ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ:—Все знаю: Гу Ан-си знаю, У Пей-фу знаю, Джан Суэ-ляна знаю, а что такое Це-Че-О, хоть убей, не припомню.

ГУСИ В ГУСЕ

(Письмо в редакцию)

Уважающие крокодилы!

Дозвольте постольку поскольку описать наше достижение на стеклозаводе имени тов. Дзержинского в Гусе-Хрустальном.

Привезли к нам новехонький бункер для засыпки состава в ванную печь. Почитай, весь Гусь, — ну, если не весь, то половина, — сбежался смотреть усовершенствованную машину... Десять с половиной тыщ ухлопали, — есть что посмотреть! А само главное, не какая-нибудь гидра заграничных мировых хищных акул, а самосильная продукция Стеклострога под просвещенным руководством инженера Шуэля.

Ладно. Поставили бункер на первую систему. Ну-ка, машинишка, ухнем, засыпай, размешивай по-научному состав, гони в ванную печь на плавку! Нам стекло нужно, чтобы чистое, как стеклышко!

Молебна, конечно, по илужности не служили, а торжественно пустили бункер в ход. Завертели там разные колеса и штуковины, а только, глядим, — бункер не бункер, а сепаратор какой-то: песочек — сам по себе, сода в отдельности, а известь пренебрегает вышеуказанным коллективом. Так поврозь они и залегли. А поврозь никак невозможно: для пе-

ска нужно одну температуру, для соды — другую, а для ванной печи — совсем даже третья температура.

И как вышло стекло, — весь лист покрыт песочком. Мастера смеются:

— Посыпано. Не сколько. Не упадешь.

Ан, не угадали. Споткнулись. Неделю две из-за этой индустриализации исправляли аварию. А вы знаете, какая цена нашей работы на одной машине? 100 руб. в час. А десять машин, — вся система, — это — 24.000 в сутки. А ну, помножьте-ка на 15 суток, сколько будет заводу убытка?

Начали стеклышки с песочком обратно переваривать. Что будет, — неизвестно. А только за эти две недели ни листа продукции мы не выпустили.

И вот еще пескомойку завели. Почти двадцать тыщ ухлопали, а пескомойка стоит во дворе без последствий и ржавеет. Песок немывтый в дело идет

А так вообще все благополучно. Дирекция есть, инженеры есть, техники тоже. Рабочие. Зарплату получаем. И все, как полагается, чего и вам желаю.

С ударным приветом

Ефим Головашкин.

Доставил в редакцию А. Створский.

Рис. К. Елисеева

Могли бы мы в один момент
Убрать весь чуждый элемент,

Но не всегда в туманной дымке
Мы видим шапки-невидимки.

«ГОРОД ЧУДНЫЙ, ГОРОД ДРЕВНИЙ!»

ИЗВИНЯЮСЬ, это я не про Москву. Это я про Пермь. Пермь действительно чудной город.

Деревянные домишки, покосившиеся от древности каждый в свою сторону. Так и кажется, что когда придет социализм, пермяк-солены уши выглянет в окно из-за тюлевой занавески и ахнет:

— Батюшки, социализм пришел!

И, надев шапку с ушами, станет в очередь, чтобы войти в социализм.

В Перми древние извозчики с довоенными рыжими бородами просят трешницу и везут за полтинник.

Древние вывески на фасадах. Особенно в Перми любят и берегут древние вывески! На дверях пермского Дома крестьянина еще с 1925 года висит плакат: «Даю уроки тан-

цев», а рядом — «Меню в столовой на 17 сентября 1929 года».

Однако дыхание индустриальной эпохи сказывается. Техника в Перми свирепствует. В каждом учреждении, например, двери механизированы. Для того, чтобы посетителям труднее было войти, к дверям на веревке через блок привешивают разный груз. На почте — гиря в 10 килограммов, в редакции газеты «Звезда» — пивная бутылка с песком, а в других местах — просто куски железа.

Есть в Перми также новый трамвай и автобусы системы «сорок мучеников». Вы можете стать в очередь

для того, чтобы через полчаса ожидания посмотреть, как кондуктор высунется на 50 процентов из автобуса и гаркнет: «Местов нет».

Некоторые маловеры и нытики говорят, что проблема ликвидации очередей у пермского трамвая не разрешима. Но это неверно. По вечерам в трамвае и автобусах обыкновенно свободно, потому что пьяных туда не пускают.

А какие трогательные факты можно наблюдать в Перми в области культурного строительства! Взять хотя бы Лысьвенский завод. Там 12 тысяч рабочих, и нет библиотеки. Лысьвен-

ский пролетариат в свободное от работы время бодро шагает к частному врачу, у которого сохранилась своя библиотека, и в порядке очереди берет для своего культурного развития романы Вербицкой и т. п. боевую литературу.

Да что и говорить! В Перми даже обновленческий поп Чесноков мобилизовал себя на выполнение культурной пятилетки и войдя в лоно Павловского рабочего клуба, руководит там хоровым кружком за 35 минут в месяц.

При такой ситуации многие профработники на заводах Пермского округа твердо верят, что культура у них поставлена на недосягаемую высоту. Дальше — некуда.

В. Малюта.

Рис. Л. Генча

ОППОРТУНИСТ: — Уверю, что больше у меня никаких колебаний не будет.

Э Н Е Р Г И Ч Н Ы Е

В КООПЕРАТИВНОЙ чайной, где грязи было больше, чем в коровнике индивидуального хозяйства, за столиком сидели двое. Один — высокий, в черном пиджаке, приезжий из города, а второй — молодой парень с никогда нечесаными волосами, местный житель. Парень все время улыбался и, широко растопырив загорбелые пальцы, рассказывал:

— Кооператор, он у нас с башкой, понятия, в общем, имеет. Вот хоть на клеенки обратите внимание. Другой бы, конечно, на столы клеенки белые постлал, значит, — что тут получается? А то, что эти клеенки мыть нужно было бы, лишнего человека содержать для этого, а наш кооператор — он с башкой. Он, вишь, клееночки-то черные постлал. Их хоть год, хоть два не мой, — они всегда черные: не поймешь — не то цвет, не то грязь.

И вероятно очень довольный хитростью кооператора, парень причмокнул губами, поднял палец вверх и сказал:

— Во как!

Приезжий повел глазами по закоптелым стенам чайной и встретил объявление, единственное украшение стен чайной. Объявление гласило: «Головные уборы снимать обязательно. Штраф 3 рубля».

— Это зачем? — спросил он у парня.

— А кто ж ее знает, — улыбнулся тот, — велят снимать, ну, значит, и снимаем. Видать — для культуры.

Приезжий покосился на пол, где на целую четверть накопилось грязи, а парень продолжал:

— Вы бы, гражданин, тоже сняли шапочку. Кооператор у нас человек от природы отчаянный, — рассказывают, его племяннику на фронте чуть-чуть палец не оторвало. Возьмет штраф. Ей-богу возьмет.

В ответ на это приезжий поглубже надвинул шапку и промолчал. Парень, словно жалея его, вздохнул:

— Напрасно не верите, — отчаянный человек. И шапок терпеть не может.

За соседним столиком бородатый дядя постучал крышкой чайника, и когда из-за стойки к нему подошел человек, он указал на сидевшего в шапке и что-то шепнул ему.

— Снимай шапку, снимай! — зашипел парень. — Сейчас подойдет! Приезжий не двинулся.

— Гражданин, а вы бы, как говорится, шапочку-то товос — сняли, вам здесь не это... — сурово проговорил подошедший человек в белом фартуке.

— Зачем? — не спеша спросил приезжий.

— «Зачем», «зачем»? Плакат висит, — значит, подчиняться нужно. Снимай шапку.

Приезжий обзвонился:

— Вы, прежде чем мне культуру прививать да вежливости учить, пол бы вымыли.

На лице у кооператора появилось удивление.

— При чем тут грязь, гражданин, хороший? Пол — полом, а бог — богом. Чай, хлеб-то божий жрешь? Воду-то пьешь божьей. Сидит в помещении, где божьей пиццу употребляют, а не в каком-нибудь клубе. Да, может, на тебя верующему человеку смотреть противно. Скидай шапку! — ревел белугой кооператор.

Приезжий молча поднялся, взял портфель и вышел из чайной.

★

Думаете, выдумал? Нет, все это факт. Все это произошло и происходит в чайной Клементьевской кооперации, Можайского района. Так кооператоры борются с темнотой и внедряют новый быт в массы через чайные.

Вяч. Сысцев.

«Вождям» по штату положено проявлять инициативу, организовывать массы и «вообще».

Выступил один из «вождей», руководитель окружного отдела совторгслужащих. Отложив в сторону портфель, снял кепку и «из челе его выскоком» сразу отразилась глубокая мысль:

— Товарищи, — сказал руководитель, — посмотрю я на вас, на

членов союза, и вижу, что мала у вас нагрузка. Ну экономработа, ну участие в добровольных кружках, ну соцсоревнование. Не то это все, товарищи, не то. Вот я вам нагрузочку придумал, так придумал.

«В порядке соревнования обязан каждый член союза собрать 80 килограммов утильсырья и сдать его на заготовительный пункт».

Посмотрел руководитель на собрание, блеснул глазами и зафиксировал:

— Единогласно, занести в протокол.

Тогда поднялся другой профруководитель и внес свою лепту в профруководство.

— Вот что, товарищи. Народ те-

перь пошел, вредный, несознательный. Так что я для поощрения предложу дополнить выступление уважаемого товарища:

«Тех членов союза, которые отказываются выполнять сдачу утильсырья, — исключать из союза».

Посмотрел второй руководитель на притихшее собрание и тоже зафиксировал:

— Единогласно. В протокол.

И находятся теперь павлодарские члены союза в перманентной панике: где достать сырье? Ходят даже слухи, что по вечерам члены союза на ходу срывают друг с друга новенькие калоши и тащат их на заготовительный пункт.

Б.

КРОКОДИЛЬСКАЯ БРИГАДА

КРОКОДИЛЬСКАЯ БРИГАДА

Текст Л. Митницкого

«Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни привело, —
Все те же мы: нам целый мир —
чужбина,
Отечество нам — Царское село».
А. С. Пушкин.

В ЛЕНИНГРАДЕ — бывшем Петрограде, а до этого величественном Санкт-Петербурге — сохранились нерушимо все памятники старины.

На столичных площадях бешено скачут на месте меднолобые всадники — цари Российской империи без царства и империи. Спешенные и на конях высятся Александры, попавшие в историю за номерами — первый, второй, третий.

Благословенные и тишайшие, тишайшие и кротчайшие, кротчайшие и богобоязненные.

В окружении превосходительных временщиков стоит на пьедестале Екатерина по счету вторая и первая по блюду в России. Римским воином распетушился на круглой подставке шут — старикашка Суворов. Желтые с белым окаймляют площади сенат и синод. Развенчаный дворец все так же величав, как будто крепость за Невой еще не раскрепошена...

...И храмы Вознесения и Воскресения возносятся к облачному питерскому небу награбленное у земли золотого крестов. И темен мрамор златоглавого Исакия, опоясанного, «немного», правда, заповедным, лозунгом:

«Господи, силою твоею возвеселится царь».

Где уж там!

Цари у нас тринадцатый годик, как не веселятся. Их дело — мертвое. Обращаемся — к живым.

Кроме бронзовых, гранитных и чугунных памятников старины, есть в Ленинграде и живые памятники. И эти памятники-пугала заслуживают куда большего внимания и туристов и местного РКК, чем чугунные пугала августейшего жандарма на взнузданном битюге.

Они не очень показательные эти пугала в Ленинграде. Это не те, что на бывшем Невском, а теперь проспекте 25 октября, в часы лишений, го-есть в самое рабочее время, шатаются праздной толпой.

Это не какой-нибудь седоусый «бывший» с плечами полковника, с вылинявшей георгиевской петличкой на солдатской шинели. Эта поношенная шинель не раз выручала поношенного полковника.

«Пугало» — и не дама средних лет с бородавкой у ноздри и с собачкой на шпагатике.

Это — и не старушка в плетивом каракуле, который распоясала курчавыми струпьями. На старушках допотопные шляпки с птичками; хидые ноги старушек в мужских башмаках. Разговоры у старушечек дрябленькие:

— Ужас сколько ходит народу! — говорит одна старушка.

— Я и говорю. — подкивает другая, — ужас!

Раньше они ездили в удобных каретах, их не толкали в людской лавине проспекта.

Нет, какие же это пугала? Они сами испуганы нынешней жизнью на смерть.

— Осторожнее, Мария Ивановна, переходите дорогу, задавят! — задыхается одна.

Под покровительством охраны памятников старины...

— Я и говорю — задавят! — задыхается другая.

Но где же оно — живое пугало?

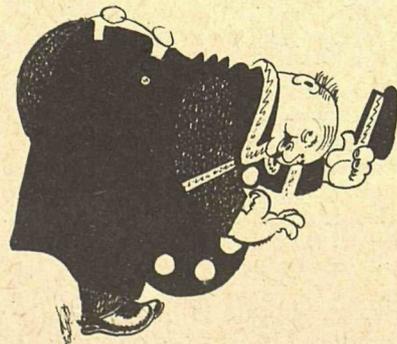
Не этот ли пижон в кепке набок, в пестром шарфе поверх модного с пояском пальто? Вот он с треском вышел из пивной, которая теперь в назидание потомству называется двойным прозвищем «Вена и Новая Бавария». Вот этот непосредственный молодой человек толкнул плечом прохожего: г-гэк! Так его. Чего стесняться в своем социалистическом отечестве. Н-наплевать!

Дальше, качнувшись маятником, пижон загородил дорогу девушке, рывнул ей в лицо густым матом: наплевать. Не барского рода, стерпит. Потом пижона стошнило прямо на тротуар. Дело житейское. Н-наплевать! Все равно дворникам подметать!

— Пугало?

Да. Особенно, ежели оно бредет стадом.

Но это пугало мелкотравчатое, отрывка прошлого. И если бы на широких улицах Ленинграда соловьи-милиционеры свирепыми свистками меньше дергали мирных прохожих, а занялись также и пижоном, то над пи-

... Сгибается спина и закругляется зад под ливреей...

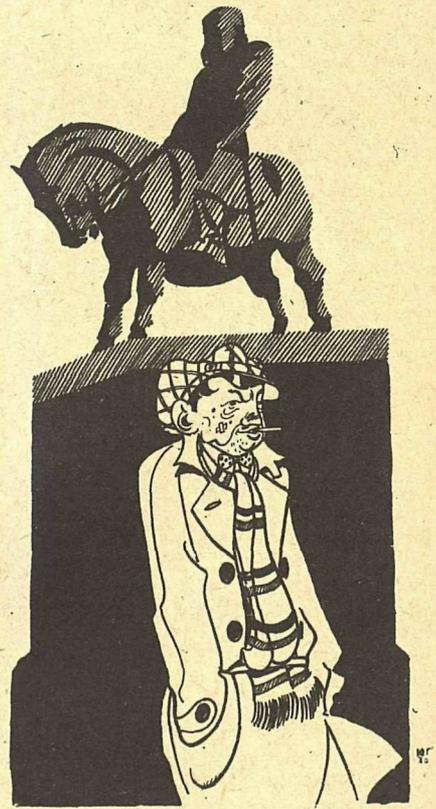
жонством можно было бы раньше пятiletки поставить настоящий памятник. Но видите ли, мирный прохожий безропотно податлив, а пьяный пижон драчлив, навязчив и хлопот с ним не оберешься. Так не лучше ли одергивать мирного прохожего?

Мирным памятником старины стоит в дверях Европейской гостиницы печально толстый человек в швейцарской ливрее. Под ливреей живот оттопыривается спелой грушей и радуется взоры знатных иностранцев, бросающих якоря обязательно в Европейской.

Надо видеть, как вздувается живот-груша, как сгибается спина и закругляется зад под ливреей, когда знатные иностранцы дают памятнику старины на «гшай», и с важностью королей садятся в такси. Тут же почтительно топчутся с огромными чемоданами отъезжающих два русских «боя» из Европейской.

Весь штат «памятника буржуазной старины» — Европейской гостиницы — признает только иностранцев, и если бы здесь знали иностранные языки, то не стали бы с вами разговаривать на каком-то, извините, русском языке.

Но — дальше, вдоль чугунно-бронзовых памятников — к памятникам живым. Остановимся на набережной Рошала, 8. Здесь — ЛСПО. То самое

Два пугала.

ЛСПО, которое до тех пор «повышало» своими расценками зарплату рабочих-потребителей, пока не получило прибыли... три миллиона рублей.

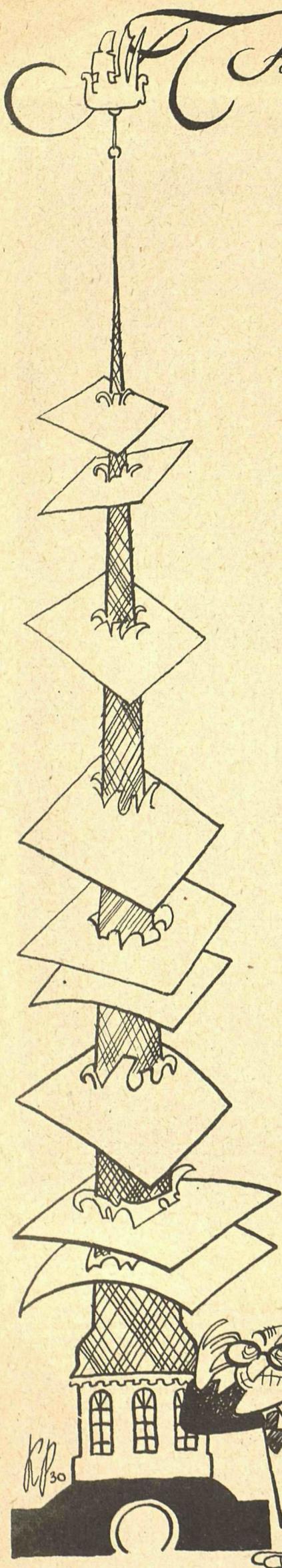
То самое ЛСПО, где снабжение хлебом потребителя поставлено так:

Если не считать тараканов и окурков на хлебозаводах, если пренебречь грязью и пылью, то все в порядке.

То самое ЛСПО, у которого разговоры с потребителем краткие:

— Не ересься, бери, что дают!

То самое, чей пассаж отмерял мануфактуру: метр — рабочему, десять — частнику. То самое, где сверх плана

С Т А Р И Н Ы

В ЛЕНИНГРАДЕ

Рисунки Ю. Ганфа и К. Ротова

была фруктовая база по снабжению людей, необеспеченных законами государства. То самое, в чьем ведении лавки и магазины торгуют под не очень обоснованной вывеской «Пролетарий».

Так. А где памятники старины? Живые пугала?

Представьте, с виду они совсем не страшные. Наоборот, большинство из них — гладкие, удобные, покладистые, как складные ножи, и опасные... как ножи.

Например, его степенство «товарищ» Куржаков. Степенный человек с пробором посредине, с лозунгом «Пролетарии, соединяйтесь» в глазах. Жил-был этот человек. Владел стекольными заводами. А пришла советская власть и забрала заводы у Куржакова. Так неужто же не полагается компенсация за огорчения? И этот памятник утвердился незаменимым работником и специалистом в пассаже АСПО.

АСПО! Как аллея Побед в Берлине, уставлен памятниками старины дом ленинградской кооперации:

Счетовод — бывший полковник.
Пом. бух. — бывший штабс-капитан.

Еще счетовод — блестящий поручик.

Есть в арсенале АСПО и фрейлины, и князья с инкрустацией, и купцы гильдейские, и холяйчики разных сортов. Над ними, как бронзовая Екатерина над временщиками, висится заведующий юридическим подотделом АСПО.

На пьедестале живого памятника старины — бывшего присяжного поверенного С. И. Козана — надо высечь бессмертные строки его:

«Предлагаю ежедневно по столу взвешивать производить подшивку дел и

сообщать мне, сколько подшито ежедневно».

По этому поводу вы должны обратить внимание, чтобы т. Кайрукитис регулярно этим занималась, подшивая не менее пяти дел в день»...

Наверное, когда этот живой памятник старины гуляет по Ленинграду, и взор его обращается к сверкающей шле адмиралтейства, он думает проникновенно:

О, сколько исходящих и входящих можно наколоть на эту шлу

— О, сколько живых дел умертвил этот живой памятник!

Памятники... памятники... памятники.

Они засели в домах города, как в крепостях. Два живых памятника старины графского или княжеского звания

занимают пять просторных комнат. А рядом в одной комнате — большая рабочая семья сам-восемь.

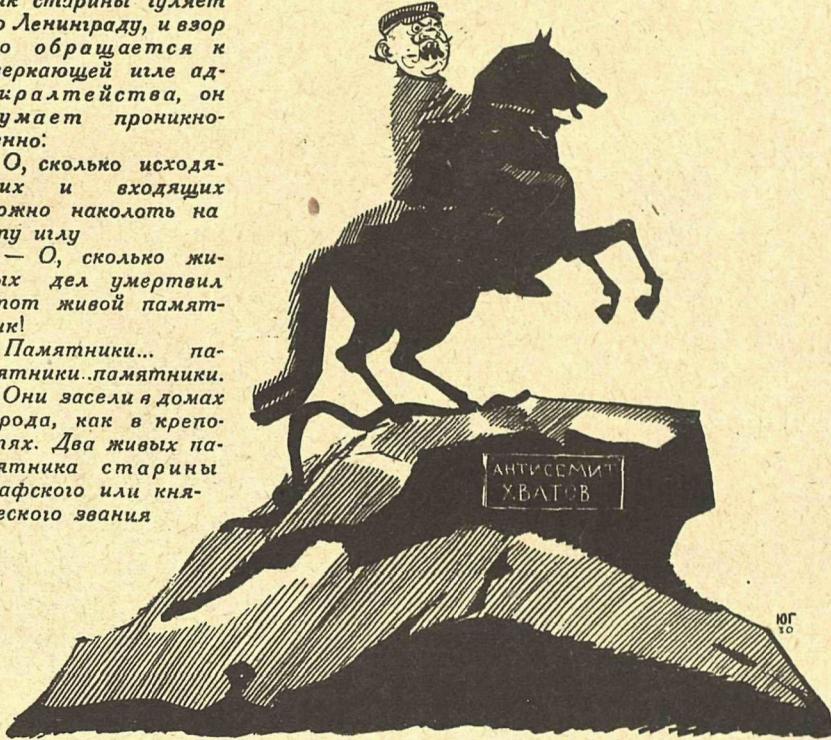
Сам-два о пяти комнатах отражают претензии сам-восемьи, что об одной комнате:

— Но я не понимаю, пгаво. Для габочих стоят габочие поселки. Пожалуйста, если вы габочий, — пегеселяйтесь в габочий поселок. Габочие поселки — для габочих.

А разве в «габочих» поселках Ленинграда не поселится этакий памятник старины?

А ежели он теперь самый что ни на есть «от станка»? Ежели он, Костецкий Андрей, — сын потомственного дворянина, владельца ряда домов, электрической мельницы и буксирного парохода на Шексне, — ежели он, Андрей Костецкий, теперь в бригадах на «Красном путиловце»?

Стародворянская кровушка течет и в жилах токаря Лохичева и слесаря Десятова. Оба они в цехах на «Путиловце» и оба были до последних дней в партии. Десятов имел богатейшие земельные угодья, а у Лохичева — «партияца от станка» — и по сие вре-

мени в новый званком «Электросилы» избраны председатель и секретарь старого званкома, получившие выговор... на перевыборах.

Живые памятники «Электросилы» потеряли рабочие предложения по борьбе с потерями. Памятники гробят здесь в цехах живое дело ударных бригад. Для ударников расценки «специальные» — специально на разгон бригады.

А в главном здании Северной верфи памятники старины нашли даже для самокритики свое применение:

— Верфь ча воде. Концы — в воду!

И зав одного из отделов на верфи Молчанов даже изобрел новейшую

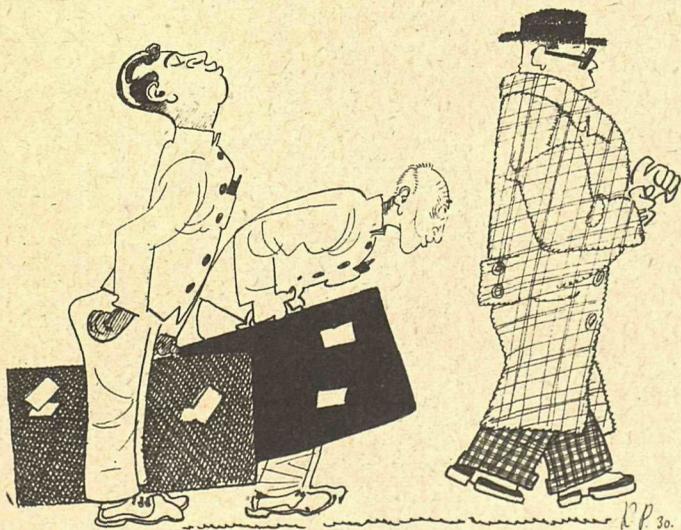
специальность, не предусмотренную никакими кодексами о труде. Он дает практические советы пострадавшим от самокритики, как уладить дело.

«Придите все страждущие, все уму-ченные промфинпланом, недовольные темпами, контуженные ударничеством, поддетые рабкорами, бевременно исключенные из партии, и аз утешу вы», — вот что следует начертать на пьедестале памятника старины — Молчанова.

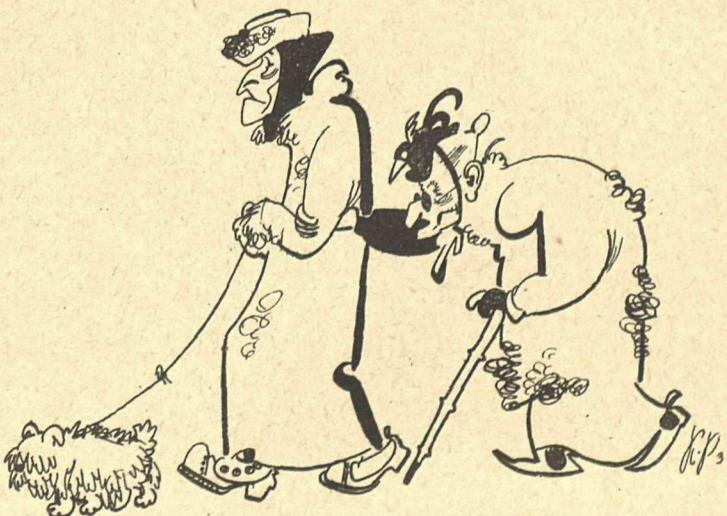
Памятники... памятники...
...Щит над Гостиным двором, подерживаемый пухлыми ангелочками. Раньше на этом щите был царский орел, теперь те же ангелочки поддерживают серп и молот на щите. Колонны во славу биржи и церкви. Чугунные цари, бронзовые кони, медные всадники, липовые совслужащие, фабриканты-кооператоры, купцы от станка, помещики от сохи, позолоченная молодежь из «Вены и Новой Баварии», потомственные почетные дворяне в потомственных почетных пролетариях.

Не слышком ли много памятников старины в Ленинграде?

Охрана памятников старины, ау!..
Л. Митницкий.

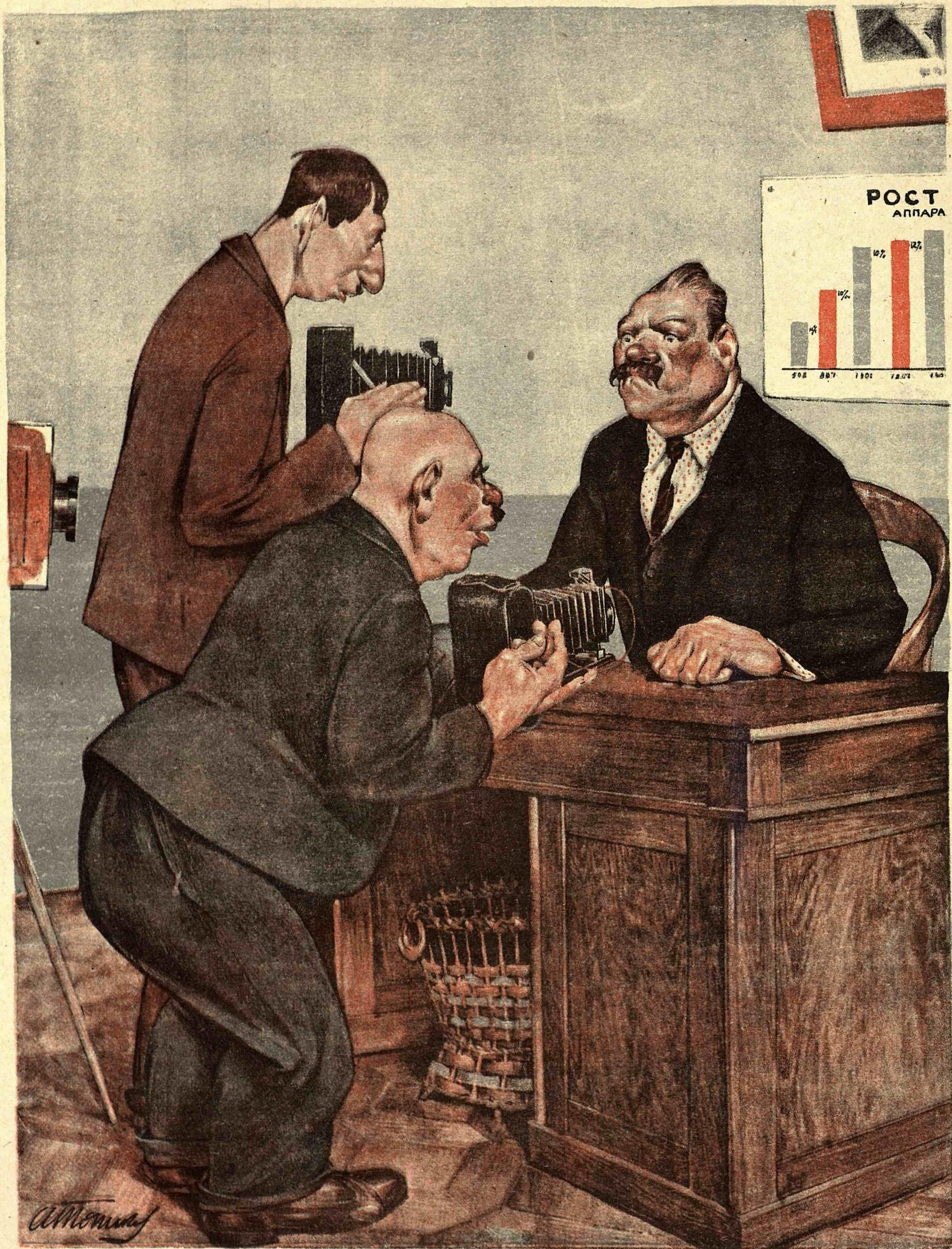

Два русских «боя» из Европейской ...

— Я и говорю — вадавят! — задыхается другая. ...

Рис. А. Топикова

— Из центра была директива: снимать негодных работников! Снимайте же скорее!

ОДЕССКИЙ АНЕКДОТ

Одесская электростанция не имеет автотранспорта. Когда случается авария на линии, монтеры ездят ее чинить на разбитом корыте. В результате — огромные простои на заводах. А для развозки вина, например, отпущены новые автомашинны.

Ну, чем не анекдот! Смешно, безуловно, до горьких слез.

И что обидно? Об авариях забыли люди, сами пострадавшие от аварии. Мы говорим о тех хозяйственниках, которых в детстве, несомненно, «нянька уронила».

ЩЕДРЫЙ ПОДАРОК

Сибирские колхозники прислали в «Крокодил» груды «Безбожника» и «Радио — деревни» за прежние годы и пишут:

Это нам подарил Колхозцентр. «Безбожник» есть даже за 1925 год. Если это библиографическая редкость, то пусть сохраняется лучше в Колхозцентре.

Нет ли тут ошибки? Не ввел ли в заблуждение Колхозцентр лозунг «из утильсырья — тракторы»? Не послал ли Колхозцентр в некоторые колхозы вместо тракторов — утильсырье?

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

«Когда нашему заводу «Дагестанские огни», — пишет рабкор Ронлив, — центр отказал в ассигновке на ремонт печи, то заводоуправление, не долго думая, командировало в Москву главбуха Масанова. Хотя в Москве и имеется наше представительство, — Масанов долго пропадавал в Москве и в результате — телеграмма: в выдаче отказано, хлопчите сами. Ненужная командировка обошлась заводу в несколько сот рублей».

Печь не работает, а денежки горят и в трубу вылетают. Не следует ли, кроме суточных, дать кому следует прогонные?

ВИТЯЗИ ПЕРА

Один ростовский ответственный гражданин решил проверить способность работников ЕПО. Имеется ли, дескать, у них прибор для мышления и в исправности ли он?

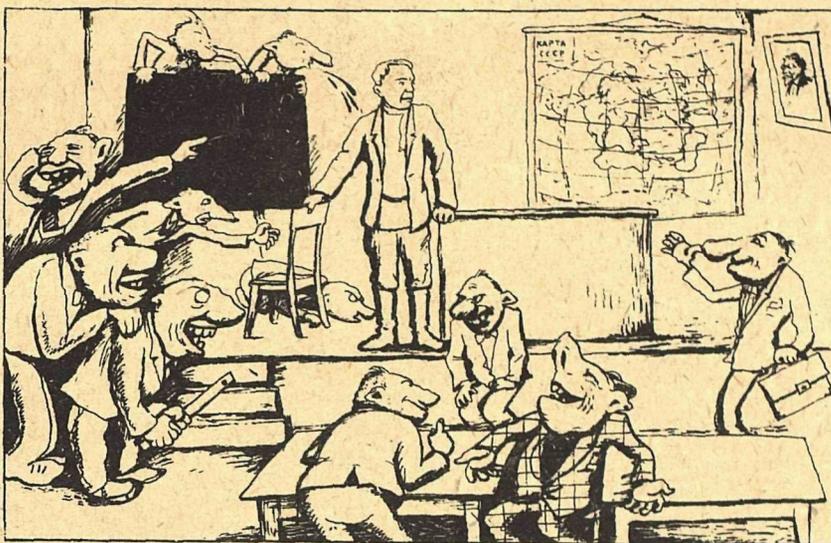
Гражданин написал заявление в ЕПО об отпуске за наличный расчет конфет для детского очага, рублей на 10—15.

В том же году прошение было возвращено просителю. На бумажке красовалось не более и не менее как 10 резолюций кооперативных чиновников. 10 человек потрудились над тем, чтобы отказать в просьбе о конфетах.

Несладко нам живется с такими работниками, товарищи!

Рис. А. Элит

На московском рабфаке наблюдались случаи травли батраков со стороны преподавателей и студентов.

БАТРАК: — Деревенская скотина вроде как — безобиднее!

СУДЕБНЫЙ ПОЭТ

Народный судья Кличевского района, Бобруйского округа, пишет предпочтительно рифмованные резолюции.

На заявлении одной гражданки красуется нижеследующее произведение:

Что за курицу судиться,
Мне кажется — не годится.
Председатель, вызови их в сельсовет,
Разъясни суда ответ.
А если дело не пойдет на лад,
Гони все назад.

Исключительные стихи! Считаю своим долгом выразить гражданам Кличевского района соболезнование по поводу постигшего их стихийного бедствия.

ДЕРЖИТЕ КАРМАНЫ!

В № 44 «Крокодила» за прошлый год мы посадили на вилы доктора Фаворского, из Краснодара. Этот, с позволения сказать, акушер через некоторое время объявил себя специалистом по кожным и венерическим (практики, очевидно, больше). Через две недели он начал лечить геморрой... В момент, когда мы его подцепили на вилы, он в местной газете объявлял себя специалистом по зудящим сыпям.

После появления заметки в «Крокодиле» Фаворский сгинул, но, к сожалению, ненадолго...

Сейчас этот специалист по очковтиранию вынырнул уже в Армавире и публикуется в газете «Грудной путь» как специалист-гомеопат.

Товарищи читатели! Если вы рядом с фамилией А. Ф. Фаворского увидите надпись «доктор», — не верьте глазам своим... и немедленно сообщайте в «Крокодил» новый адрес этого заслуженного шарлатана республики.

ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПОРЯДКА

Очень пышно и красиво говорит зав. прокатом Белорусского военно-окружного кинобюро тов. Мицкевич, — недаром он избрал своей специальностью служение великому немоу. Говорит Мицкевич хорошо, но еще лучше пишет. Вот отношение, которое он разослал всем начклубам и киномеханикам кустового объединения № 1:

«С 1 января 1930 года кинобюро Совкино перешло на обслуживание частей по трехмесячному плану, и поэтому, во избежание всякого порядка, задержек и просрочек, как и засылок в неопределенные адреса, ведущих к срыву плана вам надлежит усилить внимание вопросу соблюдения сроков прохождения картин в гарнизонах и частях в строгом соответствии с планом проката, выписки из коего будут разосланы по гарнизонам. В связи с этим необходимо:

...3) строго руководствоваться планом проката и данными маршрутного листа, в коем всякие изменения найдут свое отражение в случае предупреждения по каким-либо причинам задержится...»

Отношение это замечательно тем, что имеет весьма слабое отношение к грамоте и здравому смыслу. Даже популярный кинодеятель Глупышкин не мог бы придумать ничего курьезнее.

Очевидно, Мицкевичу поручают составлять циркуляры «во избежание всякого порядка».

ДОЛГ ПРОФБИЛЕТОМ КРАСЕН

«Серьезные» администраторы сидят в Миасском горнозаводском лесничестве, на Урале.

За рабочим Паршуковым при расчете остался долг... 13 копеек.

В обеспечение платежа зав. лесничеством отобрал у него свидетельство о рождении и профсоюзный билет ВСРМ...

Вернуть лесничеству 13 копеек, конечно, нужно, но одновременно не мешает зав. лесничеством вернуть свой профбилет в местком. Зря он с ним разгуливает. Свидетельства о рождении отбирать у него не стоит... Мало, как говорится, радости.

ДОЛОЙ ЦИРКУЛЯРЫ!

ЦСУ объявило беспощадную борьбу с бюрократическими, циркулярными методами работы.

Недавно оно прислало Якутскому статистическому отделу пакет, который в нераспечатанном виде был направлен в редакцию «Крокодила» и хранится у нас за семью английскими замками.

В тщательно заклеенном конверте никаких следов циркуляра, отношения или какого бы то ни было вложения не оказалось.

Как, впрочем, и никаких следов внимательного отношения к делу.

КУЛЬТРАБОТА ИЗ ХОЗРАСЧЕТА

В день весенний, в день туманный, через площадь, через мост, вырос длинный, вырос странный и волнующий хвост.

Серый хвост вертится змеем. Крики. Давка. Шум. Галдеж.

Прется публика. чумея.

Ни черта не разберешь.

Почему галдеж ужасный? Отчего так гомонят?

Две афиши цветом красным к двери публику манят.

Прет толпа, полна азарта. Рвутся петли у пальто: тут базарят спешно... карты и наборы игр в лото.

Карты. Карты.

С ними розов и чудесен отдых-рай. И в станицах и колхозах — сдай колду да играй.

Вот какая панорама деревенских культурот. Вот что сделала реклама у окрфиновских ворот.

**

Если б кто-то убедился в этом факте захотел, — в Константиновской станице так трудился финотдел, расклеив кричащие афиши о продаже карт и лото.

Гулик.

— Что же это, тов. Крокодил, — на заводе у нас столько для тебя материала, а ты нас совсем забыл.
— Друг мой! Ведь я только три раза в месяц выхожу, — а ты «Рабочую газету» читай: она ежедневная и никого не забывает.

2 РОМАНА БЕСПЛАТНО КАЖДОМУ ПОДПИСЧИКУ ДАЕТ «РАБОЧАЯ ГАЗЕТА»

ПОДПИСАВШЕМУСЯ С 1 МАЯ ПО 31 ОКТЯБРЯ (НА 6 МЕСЯЦЕВ).

Романы будут даны подписчикам в обложке, по 2 книги в одном томе. Книжки выдаются подписчикам по внесении подписной платы за 6 мес.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 50 к.; на 3 мес. — 1 р. 50 к.; на 6 мес. — 3 р.; на 12 мес. — 6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе Издательства «ПРАВДА» (Москва, 9, Тверская, 48), во всех местных отделениях «ПРАВДЫ», в почтовых конторах, письменно и во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати.

